

В лифте две офисные работницы с тщательно покрашенными губами оживлённо болтали, временами вставляя в разговор фразы на английском, полные раздражения.

Лифт остановился на двадцать втором этаже, и сразу же ворвался резкий звук ремонта. Женщины прикрыли носы, а Хань Чжоу вышел, не обращая на это внимания.

Офис Цзинь Шуаня занимал весь этаж, откуда открывался вид на весь Южный район. Ремонт шёл быстро, и уже можно было разглядеть общие очертания помещения, которое, судя по всему, было выдержано в стиле, близком к дому Цзинь Шуаня.

Поздоровавшись с прорабом, Хань Чжоу направился в офис Цзинь Шуаня и остановился у огромного окна, откуда было видно старое здание напротив с вывеской его студии. У него было острое зрение, и он сразу заметил пустой цветочный горшок на подоконнике своего кабинета.

Он вдруг почувствовал облегчение. Если бы он в этом году нашёл хорошее помещение, то не успел бы стать соседом Цзинь Шуаня. При мысли о дяде Цзинь он невольно улыбнулся.

Достав телефон, он написал Цзинь Шуаню: [На следующей неделе Лю Жань сдаёт экзамен в Академию искусств. Ты не хочешь прийти и поддержать её?]

Цзинь Шуань быстро ответил: [Раз ты, поросёнок, так сказал, дядя придёт.]

Хань Чжоу засмеялся, прикрыв лицо рукой. Эти слова старого мужчины смущили его, но в то же время вызвали сладкое щекотание в груди.

Неделя пролетела быстро. В день экзамена Цзинь Шуань сначала провёл собрание в своей студии, а когда пришёл в студию Хань Чжоу, Лю Жань уже ушла на экзамен.

Мальчик, который ранее утверждал, что Хань Чжоу мешал ему сдавать экзамен, пошёл вместе с Лю Жань. Хотя он знал, что не сдаст, но, будучи пристыженным Хань Чжоу, решил попробовать. А Лю Жань пошла по настоянию Хань Чжоу.

Нервное напряжение часто стимулирует скрытые способности. В прошлые годы были случаи, когда студенты показывали неожиданно высокие результаты на экзаменах. Поэтому участие в экзамене идеально подходило для таких студентов, как Лю Жань, которые боятся рисковать и склонны заикливаться на деталях.

За последние экзамены её стиль стал более свободным, и хотя она всё ещё иногда замыкается в себе, это уже прогресс.

Цзинь Шуань сидел на диване, рассматривая работы Лю Жань за последние дни, и с одобрением заметил:

— Учитель Хань, вы действительно звезда среди преподавателей. Я думал, что ей понадобится как минимум полгода, чтобы измениться.

— Ну конечно, я просто гений, — Хань Чжоу, польщённый, нарочито горделиво придвинулся к Цзинь Шуаню. — Так что, дядя Цзинь, не думаешь ли ты как-то меня отблагодарить?

— Конечно, — Цзинь Шуань закинул ногу на ногу, наклонился к Хань Чжоу и шепнул ему на ухо:

— Дядя приготовит тебе вечером свиные ножки в соусе. Хочешь?

Сердце Хань Чжоу неожиданно защемило, и он поспешно выпрямился, чувствуя, как всё его плечо онемело.

Вечером Цзинь Шуань действительно приготовил свиные ножки. Они купили всё необходимое в ближайшем супермаркете и отправились в дом Цзинь Шуаня.

— Мне правда жаль, что я не могу тебя пригласить к себе домой, — Хань Чжоу, стоя у раковины, мыл овощи с лёгким сожалением.

Впервые в жизни он встретил человека, которого действительно любил, и ему очень хотелось показать его родителям и брату. Но он знал, что его семья пока лишь терпит их отношения, но не принимает их полностью.

— Не переживай, — Цзинь Шуань бросил в сковороду немного чеснока, который сразу же зашипел, и, взяв овощи, посмотрел на Хань Чжоу с улыбкой. — У меня дома лучше. Тихо, и никто не увидит, что бы ни случилось. И свобода больше.

Капля воды попала на лицо Хань Чжоу, и он, почувствовав прохладу, инстинктивно отклонился, глядя на Цзинь Шуаня.

— Я понял, что совсем тебя не знаю.

Цзинь Шуань усмехнулся, не отрывая глаз от сковороды.

— Очень плохой, да?

— Да, довольно плохой, — Хань Чжоу задумался, вспомнив историю, которую Цзинь Шуань рассказывал ему той ночью. — Ты и твой дядя очень похожи. Ты говорил, что он в молодости тоже был озорным?

— Мой дядя? — Цзинь Шуань на мгновение остановился, глядя на Хань Чжоу. — Ты имеешь в виду, что Цзинь Шу — мой дядя? Ты... знаешь?

Хань Чжоу растерялся, почувствовав, что слишком расслабился и проговорился. В ту ночь Цзинь Шуань рассказывал историю, но не упомянул о своих отношениях с семьёй Цзинь. Узнать, что Цзинь Шу — его дядя, можно было только специально изучив этот вопрос.

— Мне нужно извиниться, — он выключил кран, вытирая руки, и, смущённо подбирая слова, сказал:

— На самом деле режиссёр Сунь как-то упомянул о твоих отношениях с отцом. Потом я случайно наткнулся на описание Цзинь Чжаосяна в блоге историка.

— Тогда мы были не так близки, и мне было неудобно об этом говорить. Да и не было необходимости. Я дружу с тобой не из-за твоей семьи или того, кто ты есть. И я не воспринимаю сплетни всерьёз, — он прикусил губу, повернувшись к Цзинь Шуаню. — Пожалуйста, не думай об этом.

Цзинь Шуань молчал. На сковороде кипел огонь, и масло шипело. Он ловко и грациозно помешивал содержимое, что заставляло Хань Чжоу нервничать.

Через полминуты Цзинь Шуань снял сковороду с огня, выложил яичницу с луком на тарелку и, выключив плиту, посмотрел на Хань Чжоу.

— Зачем так нервничать? Я всё равно расскажу тебе всё. Ты узнал раньше, и это даже лучше. Зачем извиняться?

Его слова были настолько нежны, что фраза «всё равно расскажу тебе всё» звучала так, будто Хань Чжоу был его будущим супругом. Хань Чжоу, смущённый этим неожиданным намёком, почувствовал, как его лицо загорелось, а глаза неожиданно наполнились слезами.

Цзинь Шуань поставил тарелку на стол и, проходя мимо Хань Чжоу, провёл рукой по его щеке.

— Бедняжка, у тебя даже глаза покраснели.

Он взял вымытые Хань Чжоу овощи и продолжил готовить.

— Моя история сложная, и я не знаю, как её рассказать. Боюсь, что ты испугаешься... или не примешь.

— Что ты говоришь! — Хань Чжоу вытер нос и прислонился к столешнице. — Если только ты не наркобарон, мне нечего бояться.

— А если я не человек? Или, точнее, не живой в обычном понимании? Ты всё ещё будешь чувствовать себя так же? — Голос Цзинь Шуаня был серьёзен, но Хань Чжоу рассмеялся.

— Белая змея? Или Дракула? — Хань Чжоу оперся на столешницу, улыбаясь. — Если ты из «Сумерек», то укуси меня, пожалуйста. Я мечтаю стать сильным и бессмертным!

Цзинь Шуань не засмеялся, лишь добавил в салат немного кинзы.

— Ой, ты же не ешь кинзу!

Цзинь Шуань был неплохим поваром. Хотя он и не сравнится с профессиональными шеф-поварами, но в домашней кухне он был на высоте.

Хань Чжоу, выплюнув косточку от свиной ножки, спросил:

— Дядя Цзинь, как ты умудряешься всё уметь и делать так хорошо?

— Наверное, потому что я живу долго, — Цзинь Шуань налил Хань Чжою вина. — Когда живёшь долго, иногда становится скучно, и приходится учиться чему-то новому. А я ещё и умный, так что всё получается неплохо.

<http://bllate.org/book/15564/1415548>